

УДК 130.2:32

А.А. Корниенко

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМЫ КОГНИТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В статье исследуются версии социоконструктивистского подхода к анализу науки, сформировавшиеся в западной философии науки; рассмотрено явление «когнитивного конструктивизма»; обозначена роль системного подхода в исследовании науки как сложноорганизованного объекта.

Ключевые слова: когнитивная социология науки, контекст, конструктивизм, деконструктивизм, критерии научности, социальность в науке, интерпретация.

На рубеже XX–XXI вв. «Социальные исследования науки» обрели статус научного направления, масштабно представленного в западной философии науки, а в проблемном поле поименованного направления обозначили свою предметную специфику две версии социоконструктивистского подхода к анализу науки. В границах макроподхода анализируются проблемы взаимоотношения социальных структур и научного знания, влияния социальных изменений на сдвиги в научном знании, взаимоотношения науки как социального института с другими социальными институтами. Особенностью макроаналитического подхода является исследование процессов и структур и отвлечение от того, что представляет собой субъективная составляющая науки. Макроаналитическая стратегия, допуская, что наука – это сфера деятельности ученых, оставляет эту мысль вне сферы своих интересов. Ограниченность и недостаточность макроаналитической стратегии обусловила поворот к иной – микроаналитической стратегии, отказавшейся от глобальных социологических схем и сосредоточившейся на изучении отдельных случаев научных открытий, полемики между учеными, выдвижении гипотез, построении теорий в определенном социокультурном контексте.

Говоря об эволюции парадигмы когнитивной социологии науки, нельзя преувеличивать роль факторов сугубо философских, – к примеру, работ Т. Куна [1], позитивистской методологии. Мы полагаем, что эволюция исследовательских программ последней определена, прежде всего, внутренней логикой развития социологии как дисциплины. Дело, на наш взгляд, в том, что в социологии происходили парадигмальные трансформации. Изменились ориентиры интерпретации социального. Особенно характерно это для микро-социологического подхода, – в парадигме последнего отчетливо прослеживается ориентация на идеи А. Шютца и И. Гофмана. «Социальное» здесь интерпретировано как социально организованная интеракция, «совместный мир» (А. Шютц), как совместная активность индивидов, находящихся в отношении позитивного взаимодополнения. Это определяет ряд проблем когнитивной социологии науки, обусловленных непреодолимыми преградами между «микро» и «макро» и невозможностью социологии эти преграды пре-

одолеть. Интерес символического интеракционизма к «стратегиям микро-трансляции», позволяющим понять, как социальные структуры «повторяются» в конкретных местах коммуницирующих, а также исключительный интерес феноменологической социологии к перспективе самого действующего привели к сдвигам в социологическом подходе и науке и потребовали проявления таких уровней анализа, как повседневная жизнь и повседневные контакты между учеными, т.е. антропологии и этнографии науки, от которых еще в 1970-х гг. социология знания и социология науки принципиально дистанцировались. В 1980-х гг. ведущим направлением становится антропологическое исследование науки – «этнография науки» – микроанализ конкретно-исторических локальных ситуаций в социокультурном контексте.

Сегодня, когда когнитивная социология науки представляет собой достаточно автономное дисциплинарное образование, пристальный анализ социологической методологии и используемых в ее рамках методов исследования (интервью, включенное наблюдение, антропология и этнография науки, биографический метод, метод case-studies), позволяющих выявить генезис научных представлений под влиянием культурного контекста, является принципиально важным, поскольку социология вносит наиболее существенный вклад в «деконструкцию» методологий и методик, употребляемых при изучении проблематики науки. Значение социологической методологии заключается в переориентации на интерпретативность методов, в акцентуации стратегий описания, а не объяснения, исключающих причинное или факторное объяснение, настаивающих на нарративности не только форм, способов и стиля изложения, но и самих методов исследования. Отметим и такую особенность исследовательских версий «Социальных исследований науки», как попытка рассматривать не традиционный для детерминизма причинный вид связи, а более мягкие формы взаимодействия мыслительных процессов и социального, точнее, социокультурного контекста, в числе этих форм – «принцип обобщенного взаимодействия», «принцип связи состояний», «принцип зависимости от условий», учет коррелятивных связей и синхронизации, не предполагающих предшествования во времени и обязательного порождения и не являющихся каузальными или случайными совпадениями. Осмысление конструктивистского подхода, суть которого отражена в аналитической парадигме когнитивной социологии науки, позволяет сделать вывод о том, что в нем содержится неприятие философского анализа. При этом, в меткой оценке К. Кнорр-Цетины, традиционный философский анализ науки обвиняется в неспособности систематично обдумать роль социальных факторов и включить их в нормативную картину научной деятельности. В действительности же едва ли мыслимо, что такой феномен, как современная наука, внутренне связанный с современным обществом как институциональное и коллективное установление, не имеет собственных социальных черт, которые должны схватываться философией, если она еще собирается быть осведомленной о мире, в котором живет. Конструктивизм поднимает проблему роли интересов, гибкости правил и стандартизованности критериев ситуативной роли власти в теории знания, призывает к аннулированию универсальных стандартов через локальные соглашения, к замене социальных и других характеристик ситуативными характеристиками. Необходимо также отметить,

что по сути своей конструктивизм далеко не однороден, что признают и аналитики, работающие в традиции когнитивной социологии науки. И одно то, что центральный и основной концепт конструктивизма – это концепт «переговоров», говорит о немасштабности его аналитических ресурсов.

Осознавая тупиковость исследовательской версии конструктивизма, аналитики вводят термин «конструкционизм» для обозначения эмпирического конструктивизма. В границах последнего исходным является тезис о том, что исследование процесса конструирования реальности означает изучение эпистемической практики, анализ «жизни лаборатории» и локально закреплённых, изменчивых стандартов познания. Конструкционизм ориентирован на «локализирующиеся» концепции, на тезис о том, что конструирование является конструированием внутриограниченных пространств, опирающихся на локальные ресурсы и изменения, обусловленные локальной практикой.

В когнитивной социологии науки, помимо обозначенного выше, выделяется и когнитивный конструктивизм, интересующийся знанием с точки зрения биологии познания и восприятия, а не социальных общностей, как выделяется и деконструктивизм. Ему присущ антиинтерпретационизм, противоположный большинству интерпретативных подходов социального конструктивизма. Достаточно полно представлена в «Социальных исследованиях науки» и версия, обозначенная как «деконструкционизм». При этом различие «слабой» и «сильной» версии социального конструктивизма заключено в следующем. В пределах «слабой» версии теории, возникающие по поводу реальности, рассматриваются как социальные конструкции, в то время как в пределах «сильной» версии конструкцией является реальность. Д. Блур, апологет «сильной» версии социального конструктивизма, чрезвычайно важным для социальной эпистемологии считает «принцип недостаточной детерминации» (underdetermination thesis). Он заключен в том, что, апеллируя просто к влиянию объекта, нельзя объяснить разницу в восприятии этого объекта различными наблюдателями. Для объяснения необходимо знание о самих наблюдателях, в описание реальности включаются и параметры, детерминированные социальными факторами. Для Б. Латура и С. Вулгара, апологетов релятивистского подхода и оппонентов Д. Блура, важны не сами получаемые наукой факты, а процесс их конструирования. Исследуя потенциал «сильной» версии социального конструктивизма, Ю.С. Моркина, на наш взгляд, очень тонко подмечает отношение этой версии к «слабой» версии социального конструктивизма и научному реализму, когда пишет: «Сильная версия социального конструктивизма, с одной стороны является проявлением крайнего релятивизма, но, с другой стороны, как крайность сближается с другой крайностью – позицией научного реализма, а не полностью противостоит последней. Сближение это состоит в том, что в обеих позициях терминологическому аппарату и высказываниям научных теорий придается онтологический статус. В случае с социальным конструктивизмом это происходит постольку, поскольку сама реальность считается конструирующейся в процессе научного исследования» [2. С. 158].

Труды отечественных авторов, посвященные социокультурной проблематике в научном мышлении, позволили радикально изменить во второй половине XX в. представление о науке в контексте трансформации такого поня-

тия, как социальность, дополнив его содержанием доминантного для социокультурной методологии понятия «социокультурный контекст»; стало неоспоримым, что многомерность науки (когнитивно-лингвистическую, социально-нормативную, культурно-ценностную) невозможно понять и правильно интерпретировать, ориентируясь только на концептуальную историю науки. Сформировав новый исследовательский идеал, заключенный в стремлении к единству социальных и когнитивных характеристик, «Социальные исследования науки» в своей когнитивной исследовательской программе изменили представление о критериях научности, сделав научное знание непосредственно обусловленным интерпретационными ресурсами, интерпретационным контекстом. Посредством введения таких категориальных структур, как «социокультурный контекст», «интерпретационные ресурсы», «интерпретационный контекст» было существенно изменено и само понятие «социальности» в науке. Подчеркнем, что именно западная социология науки сформировала сложную, фундаментальную и смелую задачу новой координации и переориентации аналитических подходов к такому сложному предмету исследования, как социальные аспекты функционирования науки, предприняв попытку тематизации идеи комплексности в социальных исследованиях науки на основе экспликации основных программ и подходов философии, истории, культурологии и социологии науки и их дальнейшего синтеза в некой единой исследовательской идеал-программе, в основе которой лежит единство когнитивных и социальных факторов.

Возрастающая сложность науки в процессе ее функциональной перестройки, превращение науки в сложноорганизованный объект ставят вопрос о механизме эволюции науки и вызывают необходимость многоаспектного анализа процессов социального функционирования науки. Эта многоаспектность проявила себя через расширение исследования связей науки и прочих социальных институтов, а также через переход к изучению внутринаучных связей и отношений социального института науки, что позволило найти объяснение некоторым тенденциям эволюции науки. По существу, это свидетельствует о применении системного подхода, получившего в философии название принципа системности. Предметом изучения становятся те социальные связи, что формируют социальный институт науки, само же применение системной методологии позволяет осуществить анализ науки как сложноорганизованного социального феномена.

Формирование системной методологии в исследовании науки как сложноорганизованного объекта следует рассматривать в качестве очередной ступени в познавательном процессе, сменившей параметрическое и морфологическое описание науки. Если параметрическому описанию соответствует ряд эмпирических наблюдений, касающихся отдельных, неинтегрированных свойств и отношений науки как социального объекта, то морфологическое описание ориентировано на исследование взаимосвязи свойств, признаков и отношений науки как социального объекта; это субстратное, поэлементное описание. Однако этот уровень исследования не позволяет рассмотреть функциональные зависимости в рамках науки как социального явления, что требует так называемого структурно-функционального описания как этапа системного анализа, в рамках которого функции элементов науки как социального

объекта являются производными от социального института науки как целостности. Методология системного подхода, выступая как гносеологическое средство анализа науки, потому и приобретает сегодня такое значение, что позволяет исследовать отдельные стороны и компоненты науки как сложного социального объекта – «органичного целого», по определению К. Маркса, – не утрачивая взаимосвязи различных сторон и отдельных компонентов, однако сущность системного подхода к исследованию науки как целостного социального образования этим не ограничивается.

Системный подход в широком смысле – это комплексное, диалектическое рассмотрение всех факторов и следствий, путей, методов и средств изучения сложного объекта. Его не следует отождествлять с такими методологическими направлениями, как структурно-функциональный анализ и структурализм, хотя и структурно-функциональный анализ, и структурализм, и системный подход ориентированы на анализ системных объектов. Системный подход предусматривает структурно-функциональное описание науки как социологического объекта, а структурно-функциональный анализ науки в пределах системного подхода выступает в качестве одного из элементов проводимого анализа науки как сложноорганизованного социального объекта. И своеобразие системного исследования такого социального объекта, как наука, заключено не в создании особой методологии анализа, а в построении социологической модели науки как целостности, законы эволюции и функционирования которой детерминированы внутренними и внешними факторами. Системный подход к изучению социальной реальности науки позволяет рассмотреть весь комплекс существующих в системе «общество – наука» связей; он дает возможность взглянуть на эти связи как разнокачественные, находящиеся в отношении определенной субординации.

В социологии науки системный подход является методологической предпосылкой для теоретического осмысления, прогнозирования и планирования развития науки. С его помощью оказывается возможным сделать объектом анализа специфические социологические закономерности и особенности науки как сложноорганизованного объекта-системы; предметом изучения делается связь науки как социального института и среды, социального контекста; исследуются различные подсистемы науки как социальной целостности. Системный подход позволяет определить оптимальные связи и отношения между отдельными функциональными системами социального института науки, выявить определенные качества, – по существу своему интегративного характера, – не свойственные отдельно взятым элементам науки как социального объекта. Принцип системности дает возможность исследовать конкретный механизм организации сложных процессов, протекающих в науке. Он позволяет раскрыть смысл иерархической зависимости таких подсистем, как личность ученого, научный коллектив, социальный институт науки, равно как и уточнить понятие «социальный институт науки». На наш взгляд, именно системный анализ, обращенный на феномен науки, предполагает исследование науки в таких основных направлениях, как структурно-функциональный анализ внутреннего и внешнего функционирования науки на каждом этапе ее развития, а также генетически-прогностический анализ, позволяющий связать различные стадии развития науки в целостный исторический процесс.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1975. 256 с.
2. Моркина Ю.С. Социальный конструктивизм Д. Блура // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 154–159.
3. Mulkey M. Action and belief or scientific discourse? A possible way of ending intellectual vas-saladge in social studies of science // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. P. 163–171.